

Сырое, узкое подземелье озарилось вспышкой света: под потолком с треском зажглась голая лампочка.

Из темноты тут же донеслись скотские стоны. Дикий звон цепей, безумное, дрожащее бредовое шептание и застоявшаяся вонь разом ударили в лицо человеку, шагнувшему за порог в отглаженном деловом костюме.

— Тс-с.

Цзоу Вэньбинь брезгливо поморщился и прикрыл нос ладонью.

В тесном помещении теснились семь или восемь огромных, покрытых грязью железных клеток. Внутри корчились существа, давно утратившие человеческий облик. От яркого света они заскрежетали, заухали по-звериному и стали забиваться в углы, слепо извиваясь.

По их иуродованным телам, по лицам и спутанным волосам ползали жирные опарыши и сороконожки. С тихим шлепком они валились на каменный пол.

Но в самом дальнем углу стояла совсем иная "клетка" — метровый напольный вазон с широким брюхом. Из узкого горлышка торчала человеческая голова.

Лицо изуродовано рваными шрамами, вместо глаз — две черно-багровые зияющие впадины. Исхудавшее, высохшее черепообразное лицо казалось воплощением уродства. Конечности давно ампутированы, превратив человека в обрубок; сама жизнь в таком теле выглядела изошрённым глумлением.

И всё же на этом лице не было ни тени безумия. В отличие от скулящего стада в клетках, этот калека казался чужеродным элементом. В нем ощущалось нечто неистребимое — несокрушимая, жуткая выдержка и несломленное человеческое достоинство.

Это спокойствие мгновенно взбесило Цзоу Вэньбиня.

Он сделал два шага вперед, сорвал медицинскую маску и с размаху плюнул Линь Чжиюю прямо в лицо.

Еще в университете, когда этот "гений биологии" только появился на факультете, Вэньбинь всем сердцем возненавидел его вечно хладнокровный, собранный и безупречно чистый образ. И подумать только: столько времени прошло, а Чжиюй так и не превратился в скулящую собаку, лижущую его подошвы!

Впрочем, секунду спустя Цзоу Вэньбинь ядовито ухмыльнулся.

— А ты ведь еще не знаешь, Линь Чжияй? Твой папаша и сестрёнка вчера подошли! Ха-ха, да еще как паршиво подошли — ни одного целого куска не осталось! Хотя им повезло больше, чем тебе. Я тут слышал, Третий господин Жуань лично... А-а-а-а!

Тягучий сгусток свернувшейся черной крови со свистом вылетел из рта калеки и вlepил Цзоу Вэньбиню прямо в физиономию. Тот дико завизжал.

Вспомнив о штамме нового лабораторного вируса, который он тайком ввел Чжияю несколько дней назад, Вэньбинь судорожно размазал кровь по лицу. Его руки затряслись от ужаса.

— Мать твою, Линь Чжияй! Чтобы ты сдох, сука, сдох в мучениях!!! Эй, кто-нибудь, сюда! Врача! Помогите-е-е!

В сопровождении охраны Цзоу Вэньбинь в панике бросился к выходу. Он так и не увидел, как на лице Линь Чжияя наконец проступила та самая нечеловеческая, иступленная мука, которой он так жаждал.

— Кх... кх-х-х...

Из глубины гортани Чжияя вырывался лишь рваный, булькающий сип.

Он слепо уставился перед собой в непроглядный мрак. Ему хотелось задрать голову, воззвать к небесам и вымолить хоть каплю справедливости, но перед глазами стояла темнота, и из пустых глазниц текли лишь две черные кровавые струи.

Его заживо лишили рук и ног, ослепили, изуродовали и затолкали в глиняный сосуд, превратив в живой экспонат для "шоу уродов" у входа в подземное казино в Юго-Восточной Азии. Три месяца он день за днем терпел нечеловеческие глумления, цепляясь за жизнь лишь ради одной мысли о мести.

Но известие о гибели отца и сестры выбило последнюю опору. Эта весть копьем вонзилась в сердце, вытолкнув наружу последний глоток крови.

Вместе с этой кровью утекали остатки жизни.

Линь Чжияй понял: всё кончено.

Он больше не удержит угасающий дух... не сможет дожить, поползти, отомстить за свою семью, за родителей, за маленькую Чжаоцю.

— Кх... кх-х-х...

Семья Жуань... Род Жуань!

ЖУАНЬ—!!!

Душа, скованная разлагающейся плотью, не выдержала. Всепоглощающая, бездонная ненависть и боль вырвались наружу нечеловеческим, душераздирающим воплем:

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А—!

Ясный солнечный день мгновенно сменился тьмой, и небо безжалостно расколол слепящий сухой удар грома.

Прочный бетонный потолок подвала рухнул, и в образовавшуюся брешь хлынул фосфорный свет слепящей молнии.

Сквозь вспышку нестерпимой боли ослепший Чжияй вдруг увидел разворачивающийся в воздухе полупрозрачный занавес, похожий на исполинскую фолиант-книгу.

Густые строчки текста и образы, словно рой огненных мошек, хлынули в его пустые глазницы. За долю секунды Линь Чжияй осознал всё.

Кровавая пелена затянула разум. Раньше он бился над вопросом: за что? Почему он, никогда не желавший никому зла, проживший честную жизнь, принял муки, достойные лишь наихудшего грешника?

Ответ оказался чудовищно прост.

Мир, в котором он жил, был рождающим иллюзии вымыслом — любовным романом.

А он, Линь Чжияй, являлся лишь ничтожным, жалким канонным мусором, пушечным мясом. Его страдания требовались автору лишь для того, чтобы показать, как сильно главную героиню Жуань Цзяоцзяо обожают её могущественные дяди и насколько всесилен, богат и беспощаден богатый род Жуань.

Книга под названием «Фальшивая избалованная дочь четырех влиятельных дядей» повествовала о фальшивой наследнице. Восемнадцать лет назад подмененная в роддоме Жуань Цзяоцзяо вместо нищей жизни в глухой деревне воспитывалась в роскоши столичной семьи Чжао.

Лучшие преподаватели страны, драгоценности, статус — все блаженства мира доставались ей по первому щелчку пальцев.

Но однажды выяснилось, что Цзяоцзяо — чужой ребенок. В дом Чжао вернули настоящую внучку, Чжао Хуа — истощенную, забитую девушку с непропорционально большой головой и хромой левой ногой.

Когда Цзяоцзяо увидела, как дедушка, родители и дяди окружили эту уродину теплой заботой, её ногти едва не пробили ладони.

Хотя семья Чжао не стала выгонять Цзяоцзяо обратно в нищую деревню и продолжала осыпать её подарками, привыкшая к абсолютному единоличному поклонению девушка ощутила невыносимую боль. Ей казалось, что у неё отнимают законное счастье.

Шепотки одноклассников за спиной, отчуждение... А затем — аккуратный, вежливый отказ Линь Чжиюя, старшекурсника, которому Цзяоцзяо решила признаться в любви.

Привыкшая к безупречному успеху Жуань Цзяоцзяо не выдержала.

В дождливую ночь она убежала из дома и едва не попала под колеса машины, но именно этот случай помог ей встретить родственников своего биологического отца.

Так выяснилось, что её настоящие родные — истинные властелины страны, клан Жуань, один шаг которых заставлял содрогаться всю финансовую империю Китая!

Сливая слезы, Цзяоцзяо поведала новым родственникам о своих "ужасных страданиях". Разгневанные и убитые горем Жуани мгновенно вознесли обретенную дочь на вершину блаженства, параллельно составив расстрельный список всех, кто смел задеть их любимицу.

И колесо мести закрутилось:

Семья Чжао, растившая Цзяоцзяо восемнадцать лет как родную дочь, мгновенно разорилась и погибла.

А Линь Чжиюя, "по вине которого" гордая красавица убежала под дождь, ждала самая изощрённая расправа.

Предприятие его отца в одну ночь обанкротилось, а мать и сестра погибли при трагических обстоятельствах. Сам Чжиюй был обвинен в академическом подлоге и аморальном поведении. В считанные дни из признанного гения и идола университета он превратился в презираемого всеми изгоя.

Получив официальное уведомление об отчислении, он прямо у ворот кампуса был схвачен людьми семьи Жуань.

Ему отрубили руки и ноги, изуродовали лицо, втиснули в глиняный кувшин и продали в подпольное казино как живую диковинку.

Только после этого род Жуань и многочисленные поклонники Цзяоцзяо смогли перевести дух, посчитав обиду смытой.

— Ха... ха-ха...

Из груди калеки вырвался хриплый, каркающий хохот.

Он смеялся, смотря на то, как его разрушенная судьба служила лишь серым фоном для демонстрации величия главными героями. Как его муки стали лишь ступенькой к безмятежной, красивой, божественной жизни Жуань Цзяоцзяо и её могущественных покровителей.

Линь Чжюй хохотал в исступлении, пока по щекам текли кровавые слезы.

А когда этот горький, дикий смех затих, в свете вспыхнувшей молнии его пустые глазницы застыли, так и не смыкнувшись...

Он умер, не закрыв глаз от обиды и гнева.

Лучшие умы нации, "надежда науки Китая", Линь Чжюй, не прожил и двадцати двух лет.

И сгинул, не смирившись!

Университет Хуася, корпус Ифу, третий этаж

В заброшенном туалете в юго-западном крыле стояла непроглядная тьма. Лишь монотонный стук капель из поврежденного крана нарушал мертвую тишину.

Кап...

Кап-кап...

Глаза, сливающиеся с черной тенью, внезапно распахнулись. В глухой глубине темных, как агат, зрачков полыхнул алый отсвет.

Человек на полу в изумлении уставился в потолок. Густые ресницы задрожали, и он с судорожным дыханием перевел взгляд вниз — на собственные руки. На целые, невредимые руки, которые должны были быть отрублены много месяцев назад.

Как... Как это возможно?!

Зрачки Линь Чжиюя сузились. Он рванулся вверх и с размаху врезался плечом в трухлявую дверцу кабинки. Глухой гул эхом прокатился по пустому туалету.

Боль!

Давно утраченные чувства возвращались волной. Он ошеломленно разглядывал свои пальцы — белые, длинные, сильные. Чжиюй сжал их в кулак с такой силой, что костяшки побелели и хрустнули, и из последних сил ударил по деревянному щиту!

Треск!

На выцветшей дверце осталась глубокая вмятина.

— Линь Чжиюй здесь!

Грубый мужской голос прорезал тишину. Вспыхнул слепящий свет люминесцентных ламп. Тяжелые, хаотичные шаги устремились к кабинкам, неся с собой шум гневных голосов, запах дешевого табака и душную вонь.

Все было слишком реальным.

Чжиюй замер на секунду. Он медленно повернул голову, разглядывая свои пальцы, провёл ладонью по гладкой коже лица, ощутил объём целых глазниц... И вдруг на его губах расцвела безумная, жуткая улыбка.

Он переродился?

Он действительно вернулся?!

Из уголка его глаз скатилась одинокая слеза и тут же высохла, не успев упасть.

Шум у входа нарастал. Охранники шарили лучами фонарей по углам, вокруг теснились

студенты, осыпая его проклятиями:

— Линь Чжиюй, вылезай, гнида! Тебя вышвырнули из университета, какого черта ты тут забыл?!

— Я-то, идиот, считал его своим кумиром! А этот гад украл исследования старшего брата Цзоу и профессора Хао, а потом еще и обвинил их в плагиате! Назвать тебя ничтожеством — значит сделать комплимент!

— А снаружи-то из себя какого святошу корчил! Честный, благородный... А сам втайне устроил групповую оргию! Мерзость! Сколько девчонок на его морду клюнуло, а он оказался таким отбросом... Тьфу!

— Да это что! Говорят, он еще и младшую курсницу обманул. Девушка была гениальная, хотела к нам поступить, а после того, как он ее растоптал, сразу подала документы в американский Университет Н и уехала!

— Позор нашего факультета!

Слушая эти вопли — те самые, что когда-то сломали его жизнь, — Линь Чжиюй ощутил странное, почти отстраненное спокойствие. Он сделал шаг вперед на целых, сильных ногах и вышел из полутьмы кабинки на свет.

Плюх!

Свежее яйцо вlepилось ему прямо в лоб. Тухлый желток растекся по волосам, скользнул по бледной щеке, стекая на воротник слепяще-белой рубашки.

Чжиюй лишь медленно поднял веки и смерил парня, бросившего яйцо, спокойным, немигающим взглядом.

— Ты... Ты че уставился?! — Кинувший яйцо парень внезапно осекся. Его спина одеревенела, а стоящие рядом студенты инстинктивно подались назад.

— На что я смотрю? — Чжиюй тихо усмехнулся.

В его голосе звучала мягкая, чистая ласка, но из глубины глаз дышало такое леденящее безумие, будто перед ними стоял выходчик из самого преисподнего ада.

— Смотрю на то, какой ты бесстыдный, глупый и жалкий дурак. Ты сегодня дал ложные показания ради Хао Цина и Цзоу Вэньбиня, чтобы выбить себе место в магистратуре. Думаешь, выгадал? Завтра тебя вышвырнут из науки так, что ты даже диплом получить не сумеешь. И

чему ты только радуешься?

— Ты... Что за бред ты несешь?! — Лицо студента по имени Го Чэн моментально налилось багрово-сизым цветом.

Студенты вокруг переглянулись, зашептались:

— У Го Чэна средний балл всегда был так себе, его рекомендации все удивились...

— Ну да, но на кафедре же сказали, что он помогал старшему Цзоу в лаборатории?

— Не смей клеветать на людей! — взвизгнул Го Чэн, брызгая слюной.

Но не успел он броситься с кулаками на Чжиюя, как из толпы раздался громкий, самоуверенный голос:

— Линь Чжиюй! Ты украл мою статью и присвоил труды профессора Хао! Тебя отчислили по заслугам, а ты продолжаешь клеветать на нас! Это просто переходит все границы!

Из толпы вальяжно вышел Цзоу Вэньбинь. Прежде вечно сутулый, закомплексованный парень теперь держал спину идеально ровно. Его лицо пылало довольством и спесью.

— Это же старший брат Цзоу!

— Наш главный гений!

— Слышали? Ему уже дали оффер в корпорации Жуань! Сразу после защиты докторской он идет в их биофармацевтический НИИ на оклад от полумиллиона долларов в год!

— Вот это я понимаю — настоящий академический гигант! Успешный человек!

Слушая восхищенный шепоток, Вэньбинь буквально раздувался от гордости. Однако тут же напустил на себя скорбный, разочарованный вид:

— Я искренне не ожидал от тебя такого, Чжиюй. Я ведь считал тебя перспективным младшим коллегой, постоянно делился с тобой наработками... А ты решил просто украсть мои идеи и результаты профессора Хао! Неблагодарная тварь. Но мало того — ты и сейчас не желаешь раскаиваться, выворачивая всё наизнанку! Это просто... А-а-а-а!

Закончить пламенную речь Цзоу Вэньбинь не успел: тяжелый кулак Линь Чжиюя с хрустом врезался ему точно в переносицу.

Толпа не успела даже охнуть, как последовала серия жестоких, выверенных ударов по лицу и животу!

Вэньбинь заверещал, как резанный поросенок. Забыв о лоске и достоинстве, он судорожно закрывал голову руками, катаясь по полу:

— А-а-а-а! Линь Чжияй, ты что делаешь?! А-а-а, ты смеешь бить меня?! Помогите! Убивают!

Опешившие студенты бросились разнимать их лишь тогда, когда Цзоу Вэньбинь — при росте едва за метр семьдесят и весе под восемьдесят килограммов — превратился в окровавленную, опухшую тушу с перебитым носом.

— Полиция! Вызывайте полицию! — визжал Вэньбинь, размазывая сопли и кровь по щекам. — Я упрячу тебя за решетку! Ты сгниешь в тюрьме, Линь Чжияй!!!

Заметив крайним зрением, как кто-то из студентов действительно набрал 110, Линь Чжияй едва заметно опустил веки. Натянутые, как струны, нервы слегка расслабились.

Он посмотрел на скулящего на полу Вэньбиня и тихо, почти ласково рассмеялся:

— Упрячешь меня за решетку? Боюсь, кишка у тебя тонка.

<http://bllate.org/book/20647/2105664>